

Е Тао отложил четки, вытер руки и, взяв ломтик дыни, отправил его в рот. Вкус был и в самом деле неплох, и он захотел угостить и маленького лакомку.

— Видел Баобао?

— Во внутреннем дворе, — ответил Сяо Чэн. — Этот малыш умеет наслаждаться жизнью, где прохладнее, туда и бежит.

— И ты поешь, позже нарежу Баобао.

— Вы ешьте, — Сяо Чэн простодушно улыбнулся. — Ян Цзы купил десять с лишним цзиней, сейчас я схожу на кухню.

— Иди возьми, заодно позови Баобао обратно.

— Хорошо, кушайте не спеша, я пойду поищу его. — Сяо Чэн живо откликнулся и, семеня ногами, помчался за дыней.

Спустя мгновение послышался легкий звон бус на дверях. Е Тао решил, что Сяо Чэн вернулся, забыв что-то, и уже обернулся, как вдруг за спиной раздался мягкий, смеющийся голос:

— Юньси.

Это был Чжоу Юньян. Этот парень особенно слушался дядю. Безучастное замечание Чжоу Цзыцяня о том, что «нужно усерднее заниматься», заставило его вести себя смирно уже несколько дней. Это был его второй визит в комнату Е Тао после гаокао.

— Хочу кое-что рассказать. — Чжоу Юньян отодвинул стул и сел рядом с Е Тао, наклонившись в его сторону. Улыбка играла на губах, а взгляд был теплым, словно весенний бриз.

— Подожди, я помою руки. — На руках Е Тао остался липкий дынный сок, и он направился в ванную во внутреннем помещении.

Чжоу Юньян поднялся и проследовал за ним, наблюдая, как тот моет руки, и с улыбкой произнес:

— Юньси, ты, кажется, вырос.

Е Тао выпрямился и, глядя в зеркало, оценил разницу в росте между ними. Сам он не чувствовал, что подрос, зато Чжоу Юньян точно вытянулся. Чжоу Юньян еще не достиг восемнадцати лет, как раз того возраста, когда мальчики начинают резко расти. Его фигура словно тянулась вверх сама по себе. Когда Е Тао впервые попал в дом Чжоу, тот уже не был низким, а сейчас его рост составлял около метра восьмидесяти. При таком росте, возрасте и недурной внешности его трудно было невзлюбить. Жаль только, что Е Тао не мог сказать, соответствует ли характер человека его внешности, поэтому, даже не испытывая отвращения, он не мог и беспечно восхищаться им.

— Дай я измерю тебя. — Чжоу Юньян подошел сзади к Е Тао, ладонью на весу отметил высоту его головы, а затем перенес уровень на себя. — Ты и правда вырос.

Е Тао даже не успел среагировать, как оказался в его объятиях. Чжоу Юньян опустил голову и коснулся носом тонкой белой шеи. Несмотря на интимность действия, оно не казалось непристойным.

Чжоу Юньян положил голову на плечо Е Тао, и их взгляды встретились в зеркале. Губы юноши дрогнули, и он с горечью и безнадежностью прорычал:

— Не смотри на меня так!

Это был первый раз, когда Чжоу Юньян так резко заговорил с Е Тао, но тот почувствовал лишь боль парня, словно больше не способного выносить отказов.

— Малыш, давай не будем ссориться, хорошо? — Чжоу Юньян крепко обнял Е Тао, словно вот-вот расплачется. — Уже пять месяцев. Кто так долго дуется? Скажи всё, что у тебя на душе, не молчи молча, игнорируя меня. Мне тяжело. Каждый день я думаю, как тебя примирить, что сделать, чтобы ты перестал злиться. Малыш, прошу тебя, не поступай так со мной!

— Тебе обязательно нужно обманывать себя фразой «я просто дуюсь»?

Чжоу Юньян замер, а потом с еще большей силой прижал к себе Е Тао:

— А если не дуюсь, то что? Ты любишь меня, ты сам это сказал, своими собственными словами. Я не верю, что ты мне не нужен, я не верю!

— Уходи, скоро придет Сяо Чэн.

Чжоу Юньян продержался так какое-то время, наконец отпустил Е Тао, но выражение лица оставалось упрямым:

— Я не поверю!

Е Тао сделал вид, что не слышит, открыл кран, помыл и вытер руки, затем развернулся и вышел наружу.

Чжоу Юньян с красными глазами схватил Е Тао за руку и, пока тот не успел опомниться, жестоко и яростно поцеловал его, после чего широким шагом удалился.

Е Тао коснулся уголка рта. Он-то подумал было, что у ребенка от гнева покраснели глаза и он хотел его укусить.

Вскоре после ухода Чжоу Юньяна вернулся Баобао. Вбежав в комнату, он тут же запрыгнул на чайный стол и, уткнув мордачку, стал грызть дыню.

Е Тао задумался на мгновение, перебирая четки, затем щелкнул котенка по уху:

— Баобао, я подарю тебе брелок, ладно?

Баобао поднял голову, в глазах читалось недоумение:

— Мяу?

Е Тао мягко уговаривал:

— Ты же любишь украшения? Я подарю тебе то, что тебе сейчас подходит.

Баобао наклонил голову набок, подумал и возмущенно произнес:

— Мяу!

Е Тао почесал ему за ухом:

— Хорошо, договорились.

— Мяу! — Баобао был в отчаянии. Как же не смея искажать истинные намерения этого господина Баобао!

Е Тао больше не обращал на него внимания, самодовло перебирая четки и беззвучно читая молитвы, словно полностью отстранился от мира. Баобао прыгал и кричал какое-то время, но так и не удостоился внимательным взглядом, мгновенно почувствовав себя глупым. Он развернулся и, сердито хрустя дыней, стал мысленно поносить Е Тао, утешая себя: «Народ говорит: пища — это небо. Рот нужен не только для разговоров. Ты только и умеешь, что говорить, а попробуй-ка поесть по-настоящему, посмеешь? Съешь чуть больше — живот надуется, еще чуть-чуть — побежишь в туалет. Тебе суждено пить лекарственные отвары, да еще и время от времени "добавлять" к иглоукалыванию. Твои муки мне знакомы лучше всех, но мне их больше не терпеть. Обидно, а?»

Уничтожив маленькую полтарелки ломтиков дыни, Баобао успешно объелся и без зазрения совести растянулся на столе, выставив круглый животик, и косо смотрел на Е Тао: «Чеши».

Е Тао не знал, плакать ему или смеяться:

— Ты не маленький хозяин, ты маленький предок.

Предок-кот прищурился и наслаждался обслуживанием должника, чувствуя себя превосходно.

На следующий день снова наступила жара. Баобао бесчестно бросил Е Тао и отправился в комнату с кондиционером на дневной сон. Е Тао остался охранять пустую комнату, что было тихо и спокойно, только вот погода слишком буйствовала, даже его экстремально «холодная» конституция ощутила злобу лета, и он проснулся среди сна от жары.

Е Тао вытер лоб рукой — ладони были влажными от пота. Это было действительно редкостью.

Сяо Чэн услышал шум во внутреннем помещении, повернулся и вошел. Е Тао уже встал с кровати и собирался в ванную умываться.

Сяо Чэн ловко набрал тазик теплой воды. Пока Е Тао умывался, наклонившись над тазом, он сказал сбоку:

— Мастер Юньян ждет вас уже давно. Я просил его прийти попозже, но он сказал, что подождет здесь. Вы, наверное, не выспались? Мы вас разбудили?

Е Тао на мгновение замер. Вчера этот парень ушел в гневе, и даже если он упрямо не сдавался, после такого удара должен был бы успокоиться на пару дней. Почему он снова здесь?

Сяо Чэн передал сообщение и вернулся во внешнюю комнату, где ждал Чжоу Юньян:

— Мастер встал, умоется и сейчас выйдет. Подождите еще немного. — С этими словами он потрогал графин с кислым супом на столе, почувствовав, что тот уже недостаточно холодный, налил чашку Е Тао, а затем улыбнулся и добавил Чжоу Юньяну:

— Слишком жарко, постояло немного и уже тепловатое. Это вас не освежит, я сейчас добавлю льду.

Сяо Чэн всегда был внимательным и расторопным, он видел, что у двух молодых господ есть разговор, и ему здесь неудобно. Не дожидаясь, пока его попросят, он нашел предлог и вышел.

Сегодня была не просто жара, а еще и духота. Растения за окном стояли неподвижно, даже легкого ветерка не было. В комнате Е Тао не включали кондиционер и не включали вентилятор, полностью полагаясь на «сердце спокойно — и естественно прохладно». Однако Чжоу Юньян был обеспокоен делами и совсем не мог успокоиться, к тому же у молодых жар в крови, и даже корни волос покрылись потом. Чжоу Юньян нахмурился, встряхнул воротник, всё время прислушиваясь к звукам из внутренней комнаты.

Е Тао вышел из ванной, сам нашел более легкую верхнюю одежду, переоделся и только тогда вышел во внешнюю комнату.

У чайного стола Чжоу Юньян обернулся на звук, встретился взглядом с Е Тао и улыбнулся:

— Я тебя разбудил?

— Нет. — Е Тао сел напротив него, привычным движением взял чашку и сделал глоток кислого супа. Лицо его было спокойно, без единой волны, совершенно не было видно, что вчера они расстались на плохих noteax.

Чжоу Юньян всё меньше понимал этого брата. Он даже подозревал, не повредил ли ему мозг тот случай с утоплением, из-за чего его характер так резко изменился, став таким сдержанным, словно в другом теле.

<http://bllate.org/book/17687/1650191>